

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1-92

ББК 83.3(2=411.2)53-446

Ш 65

DOI: 10.53598/2410-3489-2024-2-337-37-48

«ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

(Рецензирована)

Неля Магомедовна ШИШХОВА

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия
sessvetla@mail.ru

Кирилл Николаевич АНКУДИНОВ

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия
ankudinovkirill@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальный для XIX века «западославянский вопрос» в публицистике Ф. И. Тютчева и Ф. М. Достоевского. В качестве объекта исследования берутся стихотворения и политико-аналитические тексты Ф. И. Тютчева, а также высказывания Ф. М. Достоевского в его публицистической рубрике «Дневник писателя». Отмечается, что к идее грядущего единения России с западославянскими народами Ф. И. Тютчев относился, в целом, более оптимистично по сравнению с Ф. М. Достоевским. Также исследуются подходы великих писателей к «польскому вопросу» в их сходстве и различии.

Ключевые слова: публицистика, внешняя политика, Россия XIX века, «балканский вопрос», «польский вопрос», Балканская война, славянофильство, почвенничество, «Дневник писателя».

Для цитирования: Шишхова Н. М., Анкудинов К. Н. «Западославянский вопрос» в публицистике Ф. И. Тютчева и Ф. М. Достоевского // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. : Филология и искусствоведение. 2024. Вып. 2 (337). С. 37–48. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-2-337-37-48.

ORIGINAL RESEARCH PAPER

“THE WEST SLAVIC QUESTION” IN THE WORKS OF F. I. TYUTCHEV AND F. M. DOSTOEVSKY

(Reviewed)

Nelya M. SHISHKOVA

Adyghe State University, Maykop, Russia
sessvetla@mail.ru

Kirill N. ANKUDINOV

Adyghe State University, Maykop, Russia
ankudinovkirill@rambler.ru

Abstract. The article examines the “West Slavic question”, relevant for the XIX century, in the literary works of F. I. Tyutchev and F. M. Dostoevsky. The object of the study is the poems and political-analytical texts of F. I. Tyutchev, as well as the statements of F. M. Dostoevsky in his journalistic column “A Writer’s Diary”. It is noted that unlike F. M. Dostoevsky, F. I. Tyutchev was generally more optimistic about the idea of the future unity of Russia with the West Slavic peoples. The paper also explores the approaches of great writers to the “Polish question” in their similarities and differences.

Keywords: journalism, foreign policy, Russia of the XIX century, “Balkan question”, “Polish question”, Balkan War, Slavophilism, pochvennichestvo, “A Writer’s Diary”.

For citation: Shishkhova N. M., Ankudinov K. N. "The West Slavic question" in the works of F. I. Tyutchev and F. M. Dostoevsky" // Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticism, 2024. No. 2 (337). P. 37–48. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-2-337-37-48.

Введение

В исследовательском контексте при анализе литературного наследия Ф. И. Тютчева обращает на себя внимание значительное влияние его дипломатической карьеры на тематику его произведений. Тютчев, проведший двадцать лет на дипломатической службе в Баварии и Сардинии, а также тридцать лет в структурах российского Министерства иностранных дел и комитета иностранной цензуры, неизбежно находился под воздействием международной политики и дипломатических интересов России. Эти аспекты его биографии существенно повлияли на спектр его интересов и предпочтений в литературной деятельности, что нашло отражение в его поэтических работах, связанных с внешнеполитической тематикой. Мировоззренческие векторы поэта естественным образом срачивались с его родом деятельности, отражая его близость к славянофильству.

В литературоведении сложилась определенная традиция считать стихотворения такого направления слишком политизированными и отграничивать их от «чистой лирики». В частности, правнук Ф. Тютчева, литературовед К. В. Пигарев, внимательно анализировавший публицистическое наследие прадеда, тесно связанное с поэзией на политические темы, избегал их рассмотрения [1]. Конечно, идейная связь творчества Тютчева с вопросами славянофильства исследована много и подробно [2], но «политическая поэзия» Тютчева все же изучена недостаточно.

Современная научная среда все чаще подчеркивает актуальность и неотложную потребность в детальном исследовании как публицистических произведений Федора Ивановича Тютчева, так и его политической лирики. Этот интерес к его творчеству можно объяснить уникальной способностью поэта совмещать глубокие личные переживания с актуальными политическими темами, что делает его работы ценным источником для понимания культурных и социальных процессов его времени.

Вадим Валерьянович Кожин, один из наиболее проницательных исследователей биографии и творчества Тютчева, особо акцентировал внимание на политических взглядах поэта и их влиянии на его литературные работы. Кожин аргументировал, что стихотворения Тютчева на внешнеполитическую тематику нередко выполняли функции публицистических статей, формулируя их в поэтической форме, что приближало их к газетным публикациям [3: 374–375]. Однако, несмотря на практический характер этих произведений, Кожин подчеркивал, что Тютчев оставался поэтом даже в рамках политической публицистики, что требует особого внимания при анализе его стихов. [4: 374–375].

Длительное проживание Тютчева за границей и его знакомство с особенностями европейской жизни значительно повлияли как на его политические взгляды, так и на художественное видение мира. Эти аспекты его биографии необходимо учитывать для полного понимания глубины и многообразия его творчества, особенно в контексте взаимодействия личных и политических мотивов в его поэзии.

Проблемы внешней политики, связанные с Россией, беспокоили и другого классика русской литературы — гениального прозаика Ф. М. Достоевского. В отличие от Ф. И. Тютчева, он не был причастен к высшим эшелонам дипломатических сфер и откликался на политические события как гражданин Российской Империи.

Моножурнал Ф. М. Достоевского «Дневник писателя» вырос из авторской рубрики журнала «Гражданин» и издавался в период 1876–1877 гг., а также в 1880-м

и в 1881-м гг. По форматной и жанровой структуре он был очень похож на современный блог в социальной сети. Отклики на актуальные события, рассуждения относительно внутренней и внешней политики России, общеполитические темы, бытовые сценки, комментарии к значимым судебным процессам, правозащитные высказывания, лингвистические миниатюры, некрологи — все это составляло пестрый и многообразный контент «Дневника писателя».

Значительную часть контента «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского занимали внешнеполитические вопросы. Настроения Французской Республики и Австрийской Империи, мнения британских журналистов о политических проблемах, финансовое состояние в Европе, фактор Ватикана, Балканская война и реакция на ее реалии в российском обществе — все это вызывало развернутые комментарии писателя. Достоевский не скрывал того, что был политически ангажированной личностью и играл роль публициста. Он реагировал на реалии внешнеполитической жизни не как дипломатичный «эксперт», а как эмоциональный боец идеологических сражений.

И в аналитике Ф. И. Тютчева, и в пропагандистской публицистике Ф. М. Достоевского значительное место занимал «западнославянский вопрос». Этому способствовала острота всех проблем, вызванных жизнью и борьбой западнославянских народов в 60–70-е гг. XIX в. В начале 60-х гг. на северо-западных территориях России произошло (очередное) польское восстание, идейно расколовшее российскую общественность. 70-е годы ознаменовались другим событием — Балканской войной южнославянских народов за независимость против Османской Империи. Россия принимала активное участие в этом событии, воюя с Турцией. Одни славянские народы (болгары, сербы, черногорцы, а также некоторые славянские народы Австрии) считались союзными России, другие (поляки) — ее врагами и опасными сепаратистами. Русские писатели пытались разобраться во всех этих хитросплетениях «западнославянского вопроса» и разъяснить их своей аудитории (но адресаты текстов Тютчева и Достоевского не вполне совпадали — Тютчев, прежде всего, обращался к дипломатической и управленческой элите, а Достоевский — к широкой публике).

Научная значимость

Нет необходимости лишней раз напоминать о том, насколько актуальным стал «западнославянский вопрос» в современной политической жизни. Однако представленное исследование носит не политологический, а литературоведческий характер. Ф. И. Тютчев, и Ф. М. Достоевский в первую очередь известны как литераторы; первый — великий поэт, второй — гениальный прозаик. Политическая публицистика не была их основным занятием — они реагировали на политические вызовы как патриоты России. Тем не менее, зачастую эти «непрофессиональные публицисты» давали блестящие аналитические суждения и даже пророчества о далеком будущем: гении могут быть гениальны во всем, в том числе и в не перво-степенных сферах деятельности. Выявить различия в их стратегиях, а также рассмотреть жанрообразующие моменты относительно дальнейшего развития русской политической публицистики — основные научные задачи данной работы.

Обсуждение

На обсуждение выносятся следующие тезисы:

1. Ф. И. Тютчев был убежденным сторонником «панславизма» и пропагандировал эту идеологию в своих высказываниях (не только собственно публицистического, но и поэтически-публицистического характера). Ф. М. Достоевский, напротив, выражал скепсис относительно перспектив этой идеологии.

2. Отношение Ф. И. Тютчева к «польскому вопросу» менялось: от амбивалентной приязни к полякам в 30 — 40-е годы XIX в. до их осуждения в период польского восстания 1863–1864 гг.; Ф. М. Достоевский выстраивал свое отношение к полякам в зависимости от их вероисповедальной идентичности: для него был неприемлем католицизм в любой форме, и «новая Польша» могла быть принята писателем только при условии ее отречения от католической веры.

3. Ф. И. Тютчев смотрел на политические события с позиций «христианского детерминизма», усматривающего за их внешней канвой непредсказуемую силу провидения. Ф. М. Достоевский же был не фаталистом, а «христианским оптимистом»; он верил в будущее единение славянских народов во Христе.

Убежденность в том, что слепые заимствования принципов западного устройства губительны для России, была присуща Ф. Тютчеву всегда. Однако в течение жизни поэта в некоторых оттенках его взгляды переосмысливались и преодолевались, но при этом носили центростремительный характер. У России свой особый путь, своя магистральная линия — так Ф. Тютчев считал всегда. В контексте изучения русской литературы и культурного наследия важное место занимает творческое наследие Федора Ивановича Тютчева, которое представляет собой обширный и разнообразный материал для исследователей. Помимо лирической поэзии, его творческий арсенал включает значительный пласт публицистических текстов и философско-политических размышлений. В частности, из-под его пера вышли такие работы, как «Докладная записка Николаю I» (1843), статьи «Россия и Германия» (1844), «Россия и революция» (1848), а также «Папство и римский вопрос» (1849–1850) и незавершенный трактат «Россия и Запад» (1849).

Большинство ученых, занимавшихся анализом и интерпретацией творчества Тютчева, отмечают выраженную пророческую составляющую в его взглядах на исторические процессы. Как подчеркивал В. В. Кожин в своей монографии «Пророк в своем отечестве», пророческая интуиция Тютчева проявлялась в удивительной способности предвидеть ключевые события и тенденции мировой истории. Так, задолго до их наступления, в 1830–1840-х гг., Тютчев с поразительной точностью предсказал поражение России в Крымской войне (1853–1856 гг.), появление нацистской диктатуры в Германии, а также характер политических альянсов в Европе, которые оказались актуальными на протяжении многих последующих десятилетий.

Эта эволюция начала свой причудливый путь с исходной чистосердечной убежденности поэта в возможности создания славянской державы, основанием которой станут братство славянских народов и принципы Православия. Побуждением к этому стало знакомство Тютчева с лидером чешского национально-освободительного движения Вацлавом Ганкой во время поездки в Прагу. Именно к нему обращено стихотворение, в котором поэт выразил надежду на объединение славянских народов:

*Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил.
И с Москвой золотоглавой
Вышеград заговорил [5].*

В первой половине XIX века Ф. И. Тютчев не усматривал непреодолимых препятствий для совместного сосуществования православных и католических славянских народов. Его мечта о их единении нашла отражение в следующих поэтических строках:

*Наяву увидят внуки
То, что снилось потом [5].*

В 1969 году, когда проходило заседание Славянского комитета, приуроченное к 500-летию со дня рождения чешского проповедника-реформатора Яна Гуса, было торжественно зачитано стихотворение Ф. И. Тютчева «Чехам от московских славян». Необходимо отметить, что фигура Яна Гуса имела для российских славянофилов символическое значение национально-патриотического движения в Чехии, направленного против германского засилья и католического влияния. Гуситское движение рассматривалось ими как проявление сопротивления славянской религиозной мысли западноевропейской парадигме, хотя, с объективной точки зрения, оно представляло собой крайнюю и порой ультрарадикальную форму протестантизма, близкую к анабаптизму.

Вместе с тем, первоначально Тютчев не видел принципиальных противоречий в сосуществовании православия и католицизма в славянском мире. Его взгляды на возможность культурно-религиозного единства славянских народов претерпели эволюцию по мере дальнейшего осмысления геополитических реалий того времени. Постепенно поэт пришел к пониманию неизбежности цивилизационного противостояния между Россией и Западом, отстаивающими разные ценностные системы и жизненные уклады. Это нашло отражение в его знаменитом стихотворении «Русская География», где он провозгласил Россию особой «державой-исполином», призванной быть оплотом самобытной славянской цивилизации:

*И долго ль, долго ль этот плен,
Из всех тяжчайший, плен духовный,
Еще сносить ты осужден,
О чешский люд единокровный? [5].*

Творческий вклад Тютчева был включен в состав золотой чаши, которую Славянский комитет направил в Прагу. Этот предмет символизировал собой единство славянских народов.

Одной из спорных тем для Тютчева и русского славянофильства в целом стала Польша. Поэт включил ее в единую славянскую семью в то время, как большинство славянофилов относилось к Польше враждебно. Это не было следствием конфессионального отторжения: чехи-католики В. Ганка, Р. Палацкий, Ф. Ригер находились в контакте со славянофилами. В русском общественном и культурном дискурсе того времени преобладала точка зрения, выраженная А. С. Пушкиным, который рассматривал подавление польского восстания 1830–1831 гг. как победу России в «споре славян между собой». Однако взгляд Ф. И. Тютчева на так называемый «польский вопрос» был более нюансированным и отличался от общепринятой позиции. Поэт видел в этих трагических событиях драму не только для польского, но и для русского народа. По его мнению, «роковой удар» над «горестной Варшавой» был вызван стремлением сохранить территориальную целостность Российской империи.

В этих строках поэт метафорически обозначил тяжелые последствия кровопролитного подавления восстания для дальнейших судеб России и польского народа. Он осознавал трагический характер этого братоубийственного конфликта между славянскими народами, в котором не было явных победителей.

Тютчев отдавал себе отчет в неизбежности жестких мер для сохранения единства империи, однако его пророческий взгляд был устремлен в будущее. Он предвидел ту высокую нравственную цену, которую предстояло заплатить России за применение силы против восставших поляков. Поэт опасался, что это может стать тем «ядом», который отравит дальнейшие отношения между двумя братскими славянскими народами и воспрепятствует их духовному единению в исторической перспективе.

Возможность создания единой славянской державы поэт связывал с тонкостями русско-польских отношений. В 1850-м году он утверждал:

*Тогда лишь в полном большинстве,
В славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша помирится [5].*

В данной ситуации прослеживается определенная политическая наивность, которая была характерна для некоторых течений славянофильской идеологии в первой половине XIX века. Однако в ходе Польского восстания 1863–1864 гг. Ф. И. Тютчев пересмотрел свои взгляды на польский вопрос. Если ранее польское национально-освободительное движение находило понимание и поддержку со стороны поэта, то теперь, после многовекового противостояния с Россией, представители этого движения были охарактеризованы им как обладатели «геройского пыла, предательства и лжи, разбойники, прячущиеся в доме молитвы, с крестом в одной руке и ножом в другой».

Тютчев также изменил свое отношение к самим повстанцам, называя их «мертвецами, ожившими для новых похорон». Это мнение отражало официальную позицию российского государства по отношению к польскому восстанию. Схожую оценку польским повстанческим отрядам как «грабительским и разбойничьим шайкам» давал, например, военный министр Д. А. Милютин. Тютчев полностью разделял подобную точку зрения властей на характер польского национально-освободительного движения [3: 278]. Эволюция взглядов поэта на «польский вопрос» свидетельствует о его постепенном отходе от ранних славянофильских иллюзий о возможности культурно-религиозного единения всех славянских народов. Драматический опыт кровопролитного подавления Польского восстания окончательно развеял эти представления и убедил Тютчева в неизбежности цивилизационного противостояния между Россией и Западом, отстаивающим противоположные ценности и модели развития.

На этот раз Тютчев с особым вниманием следил за реакцией Европы, которая настаивала на том, чтобы Россия прекратила репрессии против участников восстания, восстановила конституцию 1815 года, гарантирующую автономию Польши, и незамедлительно созвала международную конференцию для обсуждения польского вопроса. Из-за этих строгих требований Россия оказалась на пороге войны с европейскими странами. Все это привело к горячему обращению:

*О край родной! Такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знашь, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепишь и одолей! (август 1863 г.) [5].*

Это был тот самый 1863-й год, когда давняя мечта о единении всего славянского мира разрушилась на глазах. Теперь Тютчев открыто поддерживал борьбу австрийских и турецких славян, а Польша становилась для него источником зла и разрушения.

В 1863-м году поэт получил жестокий урок от геополитической реальности. Однако и это не поколебало его концептуальных представлений о «единстве славянства», одновременно чистых, искренних и прекраснотушных. В сентябре 1870-го года он написал короткое стихотворение «Два единства», обращенное к братьям-славянам:

*Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.*

*Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...».
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней... [5].*

«Оракул наших дней» — это прусский канцлер Отто фон Бисмарк, объединявший разрозненные германские государства в единую Германию «железом и кровью» («Blut und Eisen» — реальные слова Бисмарка, произнесенные им в 1862-м году). Кровь, льющаяся через край и топящая Запад, также не была вымыслом поэта: стихотворение Тютчева писалось на фоне кровопролитной франко-прусской войны (в сентябре 1870-го года Париж был полностью окружен германской армией, тогда же во вражеском плену оказался глава Франции — император Наполеон III; в марте следующего года произошла оккупация Парижа прусскими войсками). В январе 1871-го года Бисмарк и Вильгельм I объявили о создании единого германского государства («Второго Рейха»), к которому присоединились Бавария и иные южногерманские государства. Австрия отказалась от объединения со Вторым Рейхом, однако в сентябре 1870-го года «австрийский вопрос» еще не был решен однозначно и мог порождать различные прогнозы. Если бы Австрия Габсбургов убедительными аргументами «железа и крови» перешла бы под высокую руку Берлина и присоединилась бы к Второму Рейху, тогда судьба славянских народов, входивших в «лоскутную» Австро-Венгерскую империю, стала бы совершенно иной (и, возможно, еще более трагичной, чем она была доселе). Предвидя такой возможный поворот событий, панславист Тютчев призывал к общности славянского мира, «спаянного любовью». Однако прогнозы о вступлении Австрии во Второй Рейх не оправдались, все народы Австро-Венгрии остались в ее составе, и «польский вопрос», взрывавший «всеславянское единство любви» изнутри, также не претерпел никаких перемен. Россия же во франко-прусской войне заняла нейтральную позицию (но в 1875-м году Россия царя-миротворца Александра II фактически предотвратила возможную вторую франко-прусскую войну, подготавливавшуюся Германией).

В программной статье 1850 года «Папство и римский вопрос с русской точки зрения» Ф. И. Тютчев высказался о «роковых противоречиях истории» [6: 278]. Детали так называемого «римского вопроса», включая восхождение Пия IX на папский трон, его либеральные реформы в Риме, воздействие Февральской революции и последующих кризисов во Франции на кратковременное существование и падение Римской республики, бегство Пия IX из Рима и его возвращение, а также сложную политическую ситуацию в Италии, не занимали центрального места в интересах поэта. Он воспринимал эти исторические подробности как лишь беспорядочное отражение более глубоких значений и внутренних противоречий европейской политической арены середины девятнадцатого века.

Тютчев стремился выявить фундаментальные причины нестабильности и потрясений в Старом Свете, коренящиеся в самой системе ценностей и мировоззренческих установках западной цивилизации. Он рассматривал события в Риме и вокруг папского престола сквозь призму извечного конфликта между духовной и светской властями в католическом мире как символическое воплощение более широких противоречий между религиозным и секулярным началами в европейской культуре.

В наступлении революционных сил на позиции папства Тютчев усматривал проявление общего кризиса христианской цивилизации Запада, утратившей

духовные скрепы и поставившей под вопрос собственные основания в погоне за материальным прогрессом и политическими свободами. Поэт предвидел, что эти противоречия рано или поздно выльются в открытое столкновение между носителями традиционных христианских ценностей и силами, отвергающими религиозное миропонимание. И именно тут надо искать противоречия западноевропейской цивилизации, которые ведут ее к саморазрушению. Они пока зашифрованы по воле Провидения, но, безусловно, связаны с судьбами человечества и всего мира.

Ф. И. Тютчев придает решающее значение интуитивному пониманию истории, проникновению в «мистику истории» и в «поэзию истории». «Нет, — делает вывод Тютчев, — то каков этот римский вопрос, как другие: не только ко всему, что есть на Западе, прикосновенен он, но, можно сказать, он даже переступает его пределы» [6: 8].

«Римский вопрос» по логике поэта обнажает гносеологическую рефлексю. С одной стороны, налицо сложность и запутанность всех социальных процессов, с другой, — очевидна непостижимость переживаемого чрезвычайного (кризисного) состояния. Подлинным вершителем исторических процессов являются Бог и воля Провидения, это не исключает и определенные закономерности.

Конечно, как уверяет поэт, опираясь на историческую интуицию и православную веру, возможно в некоторой степени постигнуть историческую реальность во время революций и войн, но это не будет подлинный смысл происходящего.

В стихотворении «Два голоса», написанном в тот же период, Тютчев демонстрирует тесное переплетение, неразрывность. По словам Ю. М. Лотмана, автор конструирует трехчленный мир: космос-человек-история (светила-други-могилы) и второй: свобода-борьба-причинность (боги-люди-Рок) [7: 173].

В научном обзоре «Тютчев и Данте» Юрий Лотман проводит сопоставление между концепцией империи у Данте, как антагониста папства, и романтическим представлением Федора Тютчева о идеальном славянском сообществе [7: 598]. Лотман аргументирует, что поэтическая иллюзия, присущая творчеству Тютчева, оказала значительное влияние на его литературные произведения. Это влияние сохранялось на протяжении всей жизни поэта и нашло свое отражение в его последнем стихотворении, написанном в честь русского военного похода в Хиву в 1873 году, что подчеркивает неизменность темы идеализированной империи в его работах.

Осенью 1877-го года, когда Балканская война близилась к завершению, в «Северном вестнике» и в «Новом времени» было опубликовано несколько статей князя Васильчикова, в которых были высказаны предположения относительно возможного исхода этой войны с учетом гипотетического посредничества неких европейских стран в процессе переговоров России с Турцией. В частности, в этих статьях рассматривались программы будущих «балканских государств», освобожденных от османского гнета. Выдвигались два альтернативных принципа — «автономии» этих образований либо их «независимости». 18 мая 1877 года А. М. Горчаков, занимавший должности канцлера и министра иностранных дел России, обратился к П. А. Шувалову, российскому послу в Лондоне, с изложением основных положений российско-австрийских договоренностей. В его письме отмечалось наличие двух возможных путей развития событий: либо сохранение политического статус-кво с внедрением региональных реформ, либо глубокие изменения, предполагающие территориальную перестройку Османской империи [8: 26–27]. К концу того же года, Россия разработала проект мирного соглашения с Турцией, который, после внесения некоторых корректировок, был официально заключен 19 февраля 1878 года в Сан-Стефано между российским и турецким представителями.

Согласно этому договору, были признаны независимость Сербии, Черногории, Валахии и Молдавии, Босния и Герцеговина должны были образовать автономную область; также на карте Европы появилось еще одно новое государство — Болгария, которой предстояло два года находиться под управлением России, а по истечении этого срока обрести полную независимость. День подписания Сан-Стефанского договора до нашего времени является государственным праздником Болгарии.

Ф. М. Достоевский, освещавший «славянский вопрос» в «Дневнике писателя», был чужд панславистских иллюзий Ф. И. Тютчева. Он скептически относился не только к возможности единения русского и польского народов, но и сомневался даже в перспективах будущего союза России с такими, казалось бы, лояльными России в тот момент южнославянскими народами. Вот как он характеризовал эти перспективы в записи «Дневника писателя» в ноябре 1887-го года, в период окончания Балканской войны: «...не будет у России, и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится принять их освобожденными!» [9: 78].

Писатель рисует будущий путь «освобожденных славянских народов» крайне пессимистическими тонами: «Начнут же они... именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но именно они в защиту от России (курсив Ф. М. Достоевского — авт.) это и сделают.... Долго, о, долго еще они не в состоянии будут признать бескорыстия России... Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок, своей доблестью или помощью Европы... Мало того, даже о турках станут говорить с большим уважением, чем об России. Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России ... Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации» [9: 78–79].

Такой антироссийский (и антирусский) путь дальнейшего движения славянских народов Ф. Достоевский убедительно и логично связывает с развитием у этих народов буржуазно-демократических институтов, которые станут толкать эти народы к слиянию с более сильными западноевропейскими буржуазными демократиями: «У них, конечно, явятся с самого начала конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи...» [9:79–80].

По мнению писателя, развитие этих институтов будет способствовать росту типично буржуазного национализма, а национализм, в свою очередь, станет неизбежно отталкивать западнославянские народы от России. При этом: «Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать, и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью... России надолго достанется тоска и работа мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать на них меч при случае» [9: 80].

С учетом реалий XX и особенно XXI вв. нельзя не признать то, что Ф. М. Достоевский оказался настоящим пророком (особенно в отношении идейно-политической эволюции Болгарии). Развитие буржуазно-демократических институтов у западнославянских народов сближает их с условным «Западом», отдаляя эти народы

от пути России (исключение в этом плане, да и то неполное, являют лишь Сербия и Черногория). Замечательный литератор решительно предостерегал Россию от любых попыток расширения своих границ за счет славянских территорий. Он выразил убеждение, что России не следует и не придется никогда стремиться к аннексии славянских земель или превращению их в свои провинции. В его словах звучало предостережение: славяне уже подозревают Россию в таких амбициях. Однако автор молил бога о том, чтобы Россия избегала таких стремлений. Писатель утверждал, что чем более Россия будет демонстрировать политическую бескорыстность по отношению к славянам, тем больше шансов у нее в будущем на их объединение и привлечение к себе [9: 80–81]. Слова писателя находят отклик в надеждах Ф. И. Тютчева на славянское единство, которое должно быть основано на взаимной любви.

Отозвался в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский и на «польский вопрос». Во втором параграфе третьей главы выпуска моножурнала за октябрь 1877-го года «Летняя попытка Старой Польши мириться» он настороженно и недоверчиво прокомментировал обращения польских эмигрантов, опубликованные в газете «Петербургские ведомости» в номере от 24 июня 1877 г. (авторы обращений заявляли, что польская эмиграция представлена экономистами, скульпторами, живописцами, которые смогли бы принести потенциальную пользу России):

«О, эти поляки Старой Польши уверяют, что вовсе не клерикалы, не паписты, не римляне и что мы давно должны это знать про них. Но вообразить только, что Старая Польша, эта польская эмиграция, не держится папы в иезуитском смысле, далека от клерикальных фантазий, — о, какая смешная мысль! Нет, они Ватикану не изменят, и Ватикан не изменит им!» [9: 58].

Ф. М. Достоевский отметил, что такие обращения появились на зловещем фоне формирования в Константинополе особого «польского легиона», предназначенного для войны на стороне Турции против России. Автор пришел к выводу, что, несмотря на яркие и заявительные высказывания польских эмигрантов, следует принять и подчиниться реальности: Старой Польши больше не существует. Взамен возникла Новая Польша, которую освободил царь и которая теперь переживает возрождение. Эта Польша имеет все шансы в будущем обрести судьбу, равную другим славянским народам, когда настанет время освобождения и возрождения славян в Европе. Однако возможность сосуществования Старой Польши с Россией навсегда утрачена [9: 58–59].

В отличие от Ф. И. Тютчева, могущего позволить себе смотреть на «римский вопрос» отвлеченно, Ф. М. Достоевский пристрастен в этом вопросе. Вообще не только антипольские, но и антикатолические выпады часто встречаются в публицистическом и в художественном творчестве Ф. М. Достоевского (например «положительно прекрасный человек», главный герой романа «Идиот» князь Лев Мышкин, кротко возлюбив едва ли не весь мир с его несовершенствами, непримирим к Ватикану и католицизму). Это отчасти объяснимо тем, что род отца писателя произошел от православных выходцев из земель, некогда принадлежавших Речи Посполитой. Прародителем этого рода был знаменитый пинский маршалок Петр Достоевский, выбранный в Сейм в 1958-м году и в 1628 г. принужденный королем передать церковь св. Федора в Пинске униатскому епископу [10: 59–61]. Дед писателя по отцу Андрей Достоевский был священником в селе Войтовке Брацлавского повета, «униатом против своей воли» [10: 82–86]. В отношении Ф. М. Достоевского к Ватикану значительную роль играли родовые обиды, прибавляясь к убежденной позиции православного верующего и горячего патриота России.

Заключение

Различия во взглядах Ф. И. Тютчева и Ф. М. Достоевского на «западнославянский вопрос» было вызвано их принадлежностью хоть к смежным, но все же не одинаковым течениям русской идеологической мысли XIX века: Тютчев был связан со славянофильством не только идейными, но и родовыми связями (его дочь была замужем за идеологом славянофильства И. С. Аксаковым), Достоевский же был идеологическим лидером альтернативного направления — почвенничества, занимавшего промежуточную позицию по отношению к славянофильству и правоконсервативному либерализму (не случайно он иногда позволял себе оппонировать ультраправому М. Н. Каткову и его союзникам). Славянофилы, как следует уже из их самоопределения, уповали на единство всех славянских народов в лоне «общей исторической судьбы». Их панславизм был зеркальным отражением «пангерманизма» немецких философов и политических мыслителей конца XVIII — первой половины XIX вв., в первую очередь, И. Г. Фихте. Почвенник же Ф. Достоевский (как и его брат М. Достоевский) первоочередное значение придавал не кровно-этническому фактору, а конфессиональным и социально-культурным идентификациям народов. Исходя из этого обстоятельства, можно понять, почему Тютчев верил в будущее «примирение Руси с Польшей», а Достоевский сомневался не только в этом гипотетическом событии, но и в возможностях единства грядущих путей России и освобождаемых Россией южнославянских народов. Он оказался большим реалистом в понимании предстоящих обстоятельств внешнеполитической жизни Восточной Европы. Однако, несмотря на это, публицистическое наследие двух великих русских литераторов XIX века представляет равную ценность и актуальность для нашего времени.

Примечания:

1. *Пигарев К. В.* Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. Т. 19/21. М., 1935. С. 177–257.
2. *Досталь М. Ю.* Славянский вопрос в творчестве и общественно-политической деятельности Ф. И. Тютчева. Общественная мысль и славистическая историография. Калинин, 1989.
3. *Кожин В. В.* Тютчев. М. : Мол. гвардия, 1988.
4. *Кожин В. В.* Пророк в своем отечестве. Федор Тютчев и история России, век XIX. М. : Алгоритм, 2021
5. *Тютчев Ф. И.* К Ганке. URL: ftutchev.ru/stihi0136.html (дата обращения: 14.04.24).
6. *Тютчев Ф. И.* Папство и римский вопрос. С русской точки зрения // Россия и Запад: книга пророчеств. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. 592 с.
7. *Лотман Ю. М.* Тютчев и Данте. К постановке проблемы // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб. : Искусство-СПБ, 1996.
8. *Чернов С. Л.* Основные этапы развития русской официальной программы решения Восточного вопроса в 1877–1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 4 : Русско-турецкая война в 1877–1888 гг. и Балканы. М. : Исторические науки, 1978.
9. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 30 т. Т. 26 : Дневник писателя. 1877 сентябрь–октябрь. 1880 август. Л. : Наука, 1984.
10. *Волгин И. Л.* Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М. : Книга, 1991.

References:

1. *Pigarev K. V.* Tyutchev and the problems of foreign policy of Tsarist Russia // Literary Heritage. Vol. 19/21. M., 1935. P. 177–257.
2. *Dostal M. Yu.* Slavic problem in the creativity and socio-political activity of F. I. Tyutchev. Social thought and Slavic historiography. Kalinin, 1989.
3. *Kozhinov V. V.* Tyutchev. M.: Mol. Gvardiya, 1988.
4. *Kozhinov V. V.* A prophet in his own country. Fyodor Tyutchev and the history of Russia, 19th century. M.: Algorithm, 2021.

5. *Tyutchev F. I.* To Ganke. URL: ftutchev.ru/stihi0136.html (access date: 14.04.24).
6. *Tyutchev F. I.* Papacy and the Roman problem. From the Russian point of view // *Russia and the West: a book of prophecies*. M.: Institute of the Russian civilizations, 2011. 592 pp.
7. *Lotman Yu. M.* Tyutchev and Dante. On the formulation of the problem // *Lotman Yu. M. About poets and poetry*. SPb.: Iskusstvo-SPB, 1996.
8. *Chernov S. L.* Main stages of the development of the Russian official program for the solution of the Eastern Question in 1877-1878 // *Balkan Studies*. Iss. 4: Russian-Turkish War in 1877-1888 and the Balkans. M.: Historical Sciences, 1978.
9. *Dostoevsky F. M.* Collected works: in 30 volumes. Vol. 26: The Writer's Diary. September-October, 1877. August, 1880. L.: Nauka, 1984.
10. *Volgin I. L.* To be born in Russia. Dostoevsky and his contemporaries: life in documents. M.: Kniga, 1991.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024;
принята к публикации 23.06.2024.

The paper was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 21.05.2024;
accepted for publication 23.06.2024.

© Н. М. Шишхова, К. Н. Анкудинов, 2024